

Антон КРАЙНИЙ <З. Н. ГИППИУС>

Милая девушка

Все в облике одном предчувствую Тебя...
И молча жду, тоскую и любя...
Но страшно мне: изменишь облик Ты...

1900

...И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого Бога страстно верил,
Какую девушку любил...

1908

...От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

1860

Вы ее видели, — какую она вам кажется? Я ее знаю давно. Я знал ее во дни ее первой юности, нежной девочкой, такой тонкой и хрупкой, что казалось, вот-вот она переломится. Знал ее долго. Лицо без теней с широкими, несмеющимися глазами; легко и безвольно опущенные руки; чуть склоненный вперед стан... и такая удивительная походка, особенная, пленительная — спотыкающаяся. Точно два шага она делает на полвершка от земли, и лишь на третьем ноги ее касаются пола. И речь ее — совсем как ее походка: из трех слов — два она не говорит; скажет только третье; оно вам нужно, дорого, близко, если вы угадали в ее молчании два первых, несказанных. И очарование этой спотыкающейся речи, спотыкающейся походки, этой беспомощной силы — неодолимо; только была в нем всегда и опасная сладость тумана, пустой грусти.

Со страхом грусти смотрел я на нее порою. Милая девушка! Ты прекрасна, но годы идут, чтобы оставаться прекрасной — ты должна расти, крепнуть и расцветать; нужно, чтобы порозовели губы, чтобы живая, земная, алая кровь прилила к щекам; чтобы тень упала от ресниц; и тонкие руки не были бы так бес- сильно и вечно опущены. Чтобы оставаться прекрасной все- гда — нужно или расти, или умереть.

Прозрачная бледность ее пугала меня. Неужели же ей суж- дено умереть такой — прекрасной, но мгновенной?

Ее видели многие, и многие смотрели на нее моими глазами. Но кто же она? Имени ее не знаю. Имен у нее много, и зовут ее так, как сегодня того хочет ее возлюбленный. А кто она — уга- дать нетрудно. Она — Муза Александра Блока*.

У каждого истинного художника-человека только одна воз- любленная, одна на всю жизнь; он может покинуть ее, может убить, — но тогда он останется один, вот и все. Сменить ее на другую не в здешней власти. И она верна одному. Если оставя- ет — то умирает, не изменяет...

Настоящий любовник видит свою возлюбленную как-то ина- че, нежели видят ее другие; мы часто говорим даже, что «лю- бовь ослепляет»; но это, конечно, неправда; любящий видит иное, потому что смотрит изнутри; видит иную сторону, вер- ную, но, может быть, действительно не знает другой, тоже вер- ной. Так и Блок — он только что признался, что «не знает», кого он любит.

И сам не понял...

Какую девушку любил.

Тонкая, робкая девочка светилась ему белой Девой «радуж- ных ворот»... И конечно, была этой Девой, далекой «Прекрас- ной Дамой».

Но, помню, и в те годы (1900—1903) я уже тревожился... не за настоящее, а за возможное будущее, боялся, как бы не за- мглил Блок, не закачал на холодных волнах свою покорную возлюбленную до смерти, как бы не растаяла она у него в руках восковой свечой, и не остался бы он один.

Вот что я писал тогда **: «...Легкая, легкая паутина. Тонкая, тонкая, рвущаяся красота. Налет эстетизма. Налет смерти,

* Первые стихотворения А. Блока относятся к 1900 г. Первая книж- ка его — «Стихи о Прекрасной Даме». Последняя, вышедшая только что — «Земля в снегу».

** «Новый Путь» № 12. 04. «Стихи о Прекрасной Даме».

даже без смерти...» «Воздушная мертвенность, русалочий холод в этих далеких, слишком далеких земле песнях о слишком прозрачной “Прекрасной Даме”. Это не Sancta Rosa, это облачная лилия, это не только не Мать-Дева, но уже почти и не дева...» «Восковой огонек...» «Робкое пламя церковной свечи...» «Это тот новый мистико-эстетический романтизм, который пленяет отрывом от земной крови, но пленяет на мгновение; не может удержать душу у себя навсегда»¹.

Я был прав и не прав. Прав, потому что это все верно. А не прав — тем, что говорил это, а говорить было рано, девушка была юна и естественно-прекрасна в бледных одеяниях, которые видел на ней ее влюбленный рыцарь-отрок.

Я, отрок, зажигаю свечи...
 ...Она, без мысли и без речи,
 На том смеется берегу...

Вот только неправда, что она «смеялась». У нее несмеющиеся глаза и несмеявшиеся уста.

Я к людям не выйду навстречу...
 ...Пред Тобою Одною отвечу...²

Если бы это было сказано теперь... Но тогда — пусть «не выйду навстречу», так было нужно, так хорошо.

Случилось мне подряд несколько лет видеть милую девушку только издали, но вот снова я обращаю на нее пристальный взор. Что она? По-прежнему ли бледна и воздушна, по-прежнему ли хочет ее возлюбленный

«...быть с нею один в приделе Иоанна...»³,

или что-нибудь изменилось?

Издали я наблюдал их краткие размолвки. Рыцарь отвертывался от любимой, строил, клеил каких-то чертенят в колпачках, бегал с ними по болоту... Верная, — она не покидала его, только молчала, перебирая чертенят медленными, холодными пальцами. Следовала она за ним и по «городу», и по «освященным ресторанам»⁴. И это было хорошо, потому что она, оставаясь собою, «меняла облик»... то есть росла и оживала в жизни. «Меняла облик» — то, чего боялся когда-то незнающий ее возлюбленный⁵, — и чего я так хотел для нее, для него, для их прекрасного, вечного союза.

«Ты отошла, и я в пустыне...»⁶

Это неправда, она не отошла. Только новой аlostью зарозовели ее когда-то «бледные, снежные одежды»; а поэт думает, что эта — не та, не Она. Еще не знает эту настоящую; в часы старой печали надрывно рвется к старому:

...с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...⁷

Но это лишь в те обманные и краткие мгновенья, когда

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...⁸

О да, конечно, прочь от жизни и к «гибели» повела бы его единственная возлюбленная, если бы она осталась Снежной Девой. «Из жизни» только и есть один путь, что к гибели.

Но не такова «милая девушка», возлюбленная на всю жизнь, данная, посланная, а не выбранная своей минутной волей. Ведь она на всю жизнь, а потому всегда такова, какую нужна любимому, чтобы ему не погибнуть. Дева для отрока, облеченная в лунные одежды, она должна преобразаться в жену, одетую в солнце, и в мать с ее святыми покровами земли. Она — Дева — Жена — Мать, и через нее, через мудрую любовь к ней, не только «все» может сделаться родным, но и «все», все другие станут родными, а тут самое важное; потому что это река, которую зовут «Любовь».

Теперь уже не нашепчет Блоку его верная:

«Я к людям не выйду навстречу»...

Теперь она говорит ему другое. Еще неясное, еще невыразимое, сонное, но уже смутно-тревожное и яркое-яркое и сквозь сон.

...Так я узнал в своей дремоте
Страны родимой нищеты
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу...⁹

Истинное величие — только в Реальности. А реальность только тогда реальна и божественна, когда она полна, когда бесстрашно вводят в нее все, казалось бы, противоречивое, все сны, грезы и мечты, все невозможное, как и возможное, влюбленность вместе со страстью, праздник рядом с буднями, по-

рыв — рядом с черной работой. Реальность всеобъемлюща в потенции своей, и, как это ни странно звучит, но надо сказать, что все движение мира есть только постоянная, все большая и большая, реализация реальности.

Для тех, кто не любит иностранных слов или понимает яснее лирический язык, я могу сказать то же — иначе: все ищет найти свою плоть, облечься в нее, ищет явить себя — и в этом бытие. Не в достижениях еще — но в достиганиях.

Все та не Она, возлюбленная Блока, но уже благодатно-иная, — она не «выведет его из жизни»; вывела бы теперь «Снежная Дева», «Заря», «Купина». Все те же и теперь, одинаково разные, люди — поэты, рыцари; та же единственная любовь ведет каждого, — но другие они, и любовь новая, хотя вечная. Рядом с ростом каждого происходит и рост мира — воплощение — реализация.

Помню, давно-давно рассказывал мне старик Плещеев о давнем случае, об одном прежнем «рыцаре». И так просто, буднично рассказывал. Пришел, говорит, он ко мне поздно, часов в 12. У меня еще сидел... (забылось имя). Пришел такой взволнованный, и сразу стал читать. Читал, читал, голос тихий, скорый, усталый... И так он сказал это свое последнее, так именно «сказал», а не прочел, — что мы почувствовали, должно быть, что в нем сейчас всей кровью бьется, что не слова это, а страданье, — и припали мы все к столу, заревели, прямо-таки навзрыд заплакали. Долго плакали, не могли. И мы — и он с нами. Вот, до сих пор помню¹⁰.

Что же это были за слова, однако? Да просто себе среднего, на современный взгляд, достоинства стихи, без всякой новой мысли, и было это сорок восемь лет назад. Но соприкоснулись тут на самое короткое мгновение какие-то две нити, была тут своя искра реальности.

Той же самой, но благосторонней реальности я жду от Блока, от его новой и вечной возлюбленной. Я хочу, чтоб рыцарь Снежной Дамы протянул к ней — деве, жене и матери — руки и вновь сказал ей, иными, своими, новыми словами:

От ликующих, праздно болтающих,
 Обагряющих руки в крови,
 Уведи меня в стан погибающих
 За великое дело любви...

Но я хочу еще, чтобы этот новый рыцарь не был рыцарем только — на час.

